

Глава 14: Съела тофу и думаешь уйти? Не так просто!

Во время последующей тренировки Е Цин пришлось изрядно помучиться. Как бы она ни старалась, все её движения в глазах мамы Лю оставались «неправильными» и «недостаточно чёткими». Тонкая плеть, хотя и хлестала не так больно, как могла бы, всё равно оставляла неприятные ощущения. Каждый удар заставлял её вздрагивать и сдерживать стон, но ничего не поделаешь — приходилось продолжать.

Когда Юй-эр и остальные закончили репетицию, только тогда Е Цин смогла выбраться из этого ада. Мама Лю, напоследок осыпав её порцией упрёков и насмешек, гордо развернулась и, сопровождаемая двумя служанками, покинула зал, позволив всем отправиться на отдых.

К этому моменту силы Е Цин были полностью исчерпаны. Боль пронзала всё тело, каждая кость словно превратилась в свинец, и она едва могла стоять.

Несколько танцовщиц тут же подошли к ней, осторожно подняли и проводили до комнаты.

Но на этот раз она вернулась не в отдельную комнату, а в общий спальню, где жили все остальные девушки.

Хотя со стороны могло показаться, что личная комната — это привилегия, сама Е Цин считала, что возможность жить в общем зале — это настоящий подарок судьбы!

Этот общий зал представлял собой длинную комнату, разделённую на две части. Первая часть служила чем-то вроде гостиной: там стояли столы и стулья, где можно было поесть и пообщаться. Вторая, основная часть, предназначалась для сна. По обе стороны от прохода шли ряды кроватей, плотно поставленных вдоль стен.

А это означало, что теперь Е Цин тоже будет спать на общем ложе, и, как только она уложится, по обе стороны от неё окажутся девушки в лёгких одеждах. Просто мечта любого мужчины!

Конечно, в её нынешнем положении она не могла себе позволить ничего лишнего, но кто помешает ей слегка попроказничать? Повалиться в обнимку, немного подшутить — что ж, даже это казалось настоящим блаженством.

С самого утра Е Цин не могла дождаться вечера, предвкушая, как ляжет спать в окружении девушек. Однако сейчас, когда мышцы болели от бесконечных упражнений, мысли о мечтательных сценах отступили на задний план.

Вещей у неё было немного. По сути, у неё имелись только два комплекта мужской одежды, аккуратно сложенные в узелок и положенные у изголовья. А вот с женскими платьями

заботливый управляющий Чжан помог: он отправил кого-то купить несколько нарядов, чтобы они подходили по её фигуре.

Е Цин-то думала, что это подарки, но на самом деле стоимость одежды собирались вычесть из её будущей зарплаты.

Когда она узнала об этом, её буквально скрутило от злости, но в итоге она ничего не могла поделать и смирилась.

Теперь её поддерживали, помогая вернуться в комнату, где она легла на кровать. Вскоре Юй-эр и Де-эр сняли обувь и, поднявшись на кровать, устроились по обе стороны от неё. Е Цин почувствовала странность:

– Что вы делаете?

– Мы будем тебе делать массаж! – сказала Де-эр. – Ты только начала заниматься растяжкой, и если не размять мышцы, завтра ты не сможешь встать с постели от боли!

– Да! – поддержала её Юй-эр. – Пока ты полностью не привыкнешь, мы с Де-эр будем помогать тебе с массажем, чтобы твоё тело быстрее восстановилось и адаптировалось.

– О?! – удивилась Е Цин. – «Неужели такое возможно? Значит, теперь я каждый день буду наслаждаться заботой красавиц?» Эта мысль наполнила её приятным чувством, и даже боль в теле казалась уже не такой сильной.

– Давай, сними одежду! – сказала Де-эр, начиная расстёгивать пояс Е Цин.

– Массаж требует, чтобы я разделась? – хотя вокруг были только женщины, и Е Цин это не смущало (ведь она точно не оставалась в проигрыше), она всё же с любопытством спросила.

– В одежде сложно массировать мышцы, всё будет скользить! – объяснила Юй-эр.

Однако, когда Де-эр говорила о том, чтобы снять одежду, она не имела в виду полностью раздеться. Расстегнув пояс, она раздвинула платье в стороны, затем сняла нижнюю рубашку, также раздвинув её, обнажив тонкий нижний жилет.

Затем Де-эр хотела снять с Е Цин нижние штаны, но та остановила её, смущённо сказав:

– Не нужно раздеваться до такой степени, правда?

На самом деле, её «младший брат» не совсем исчез — осталось нечто, напоминающее

маленькую горошину. Если бы она сняла штаны, хотя они и были бы прикрыты тканью, во время массажа что-то могло бы стать заметным. Поэтому она решила остановить Де-эр, чтобы потом не пришлось объяснять, что это за «горошина».

– Хорошо! Сестрица Цин-эр застеснялась! Тогда не будем снимать нижнее бельё! – Де-эр, сдерживая улыбку, слегка поджала губы.

Юй-эр, увидев это, тоже невольно улыбнулась, но промолчала и, не теряя времени, принялась массировать ноги Е Цин, начиная от бёдер.

Де-эр последовала её примеру и тоже начала разминать ноги Е Цин, но уже от самых ступней.

Две красавицы заботились о ней, и Е Цин чувствовала, что её жизнь достигла совершенства!

Две пары рук — четыре ладони — двигались сверху вниз, а затем снизу вверх, ритмично разминая обе ноги: сначала спереди, а потом, перевернув её, сзади.

Е Цин же полностью отдалась их заботе, позволяя им вертеть собой как угодно, наслаждаясь массажем двадцати изящных пальцев.

Ранее танцовщицы уже замечали, какая у неё гладкая кожа — словно шёлк на ощупь, прохладная и нежная. Из-за этого они частенько собирались вместе, чтобы «пощипать её за бока», пользуясь любым поводом. А теперь, под предлогом массажа, Юй-эр и Де-эр открыто наслаждались гладкостью и тонкостью кожи Е Цин, не встречая никакого сопротивления. Е Цин даже не пыталась их оттолкнуть, чем вызывала зависть у группы танцовщиц, толпившихся у подножия кровати.

Когда Е Цин перевернули лицом вниз, несколько танцовщиц обменялись взглядами, тихо скинули туфли и, разделившись на две стороны, забрались на кровать. Они молча состроили Юй-эр и Де-эр обиженные гримасы, и тем ничего не оставалось, как нехотя уступить место и спуститься вниз.

Две новые танцовщицы с радостью заняли их место и принялись энергично мять ягодички и бёдра Е Цин. Другие две, глядя на это, тоже загорелись желанием присоединиться. Одна из них, хитро прищурившись, сказала:

– Мне кажется, кроме ног, стоит размять ещё и спину, как думаешь, сестрица Юй-эр?

– Угу! – Юй-эр, сияя улыбкой, кивнула.

– Тогда я разомну спину сестрице Цин-эр! – обрадовалась танцовщица, и, не теряя времени, присела рядом, протянув руки к спине Е Цин.

Спереди ее живот и грудь были едва прикрыты одеянием, а сзади лишь две тонкие веревочки стягивали ткань, обнажая большую часть спины. Кожа её была не белоснежной, а цвета спелой пшеницы, и даже одного взгляда хватало, чтобы ощутить её гладкость и нежность. А стоило прикоснуться — она казалась прохладной, словно лёд, и от этого прикосновения становилось удивительно приятно.

Е Цин, похоже, ещё не осознала, что её бессовестно лапают, и вместо этого искренне наслаждалась массажем от нескольких танцовщиц. Она лежала, повернув лицо в сторону, с закрытыми глазами и лёгкой улыбкой на губах.

Танцовщица, что гладила её спину, не могла оторваться — ей всё не надоедало это занятие. Но всё же с ноткой сожаления она сказала:

— Эх, если бы кожа сестрицы Цин-эр была чуть белее! Тогда бы она не только на ощупь радовала, но и на вид была ещё краше!

— А мне и так нравится! — ответила Е Цин, не открывая глаз.

Это были её искренние слова. Да, она любила белую кожу, но всё зависело от того, на ком она белела. Если на других — на Юй-эр, Де-эр или прочих танцовщицах, — Е Цин это восхищало и радовало. Но если бы белизна была на ней самой, она бы только расстроилась.

Две танцовщицы, массиравшие ей спину, переглянулись. Боясь, что Е Цин что-то заподозрит, они промолчали.

Но разве Е Цин была глупа? Настоящий массаж и простое поглаживание — совсем разные вещи. Две танцовщицы уже давно водили руками по её спине, не прилагая ни малейшего усилия. Не заметить этого было бы странно. Однако ей нравилось это прикосновение, и она притворялась, будто ничего не замечает. Но спустя какое-то время Е Цин решила, что пора бы и самой взять что-то взамен.

Всё так же лёжа на боку, она открыла глаза и сказала:

— Две сестрицы, похоже, здорово развлекаются, глядя меня, да?

— Ну, терпимо! — ответили танцовщицы, всё ещё погружённые в наслаждение от её гладкой кожи, не сразу уловив намёк.

— Вот и славно. Тогда и мне пора взять свою долю удовольствия! — с этими словами Е Цин внезапно запустила обе руки — одну слева, другую справа — под подола юбок танцовщиц и легонько их погладила. Те вскрикнули от неожиданности, вскочили и, отступив назад, перебрались на соседнюю кровать.

Две танцовщицы, покраснев от стыда, прикрыли руками низ живота и с лёгким возмущением пропищали:

– Сестрица Цин-эр, как ты могла, как ты могла... – они запинались, но так и не решились договорить, слишком смущённые, чтобы вымолвить остальное.

– Хе-хе! Это мой маленький процент за услуги! – Е Цин хихикнула в ответ. На самом деле, её шаловливые руки ничего особенного не задели — лишь слегка прошлись по внутренней стороне бёдер.

Под танцевальными юбками всё равно были длинные штаны — иначе с такими движениями, как наклоны и высокие махи ногами, давно бы всё выставили напоказ. А вот она, Е Цин, лежала себе голышом, пока её щупали добрых полчаса! Ещё и внакладе осталась, между прочим!

Впрочем, девушки в старину — существа стыдливые и сдержанные. Не то, что внутренняя сторона бёдер — даже маленькие ножки считались чем-то сокровенным, не для чужих глаз. Но здесь, среди своих, все были сёстрами, день за днём живущими бок о бок, и потому можно было сбросить туфли и забраться на кровать в одних матерчатых носках.

Увидев, что Е Цин всё поняла, две другие танцовщицы, что заменили Юй-эр и Де-эр и разминали ей ноги, запаниковали. Боясь мести, они поспешно убрали руки и собрались было прыгнуть с кровати.

– Погладили меня и думаете сбежать? Не выйдет так просто!

Е Цин уже собралась броситься на них, словно голодный тигр на добычу, чтобы от души «пощипать» хоть одну из них, но тут подросла Юй-эр. Она ловко ухватила Е Цин за руку и остановила её:

– Ну, всё, хватит! Перестань баловаться! Времени мало, а тело сестрицы Цин-эр ещё не до конца размять успели. Давай уж мы с Де-эр продолжим!

Е Цин вздохнула, но послушно легла обратно, позволив Юй-эр и Де-эр возобновить массаж.

Они трудились на совесть, и вскоре Е Цин и впрямь почувствовала, как всё тело расслабилось и наполнилось лёгкостью. Она лежала, тихонько похмыкивая от удовольствия, и даже встать не хотелось. Но Юй-эр, заметив её леность, не выдержала: когда сёстры снаружи позвали выходить на сцену, она вместе с Де-эр силой подняла Е Цин с кровати.

По правде говоря, её нынешнее положение почти не отличалось от того, что было несколько дней назад. Единственное изменение — теперь по утрам приходилось репетировать танцы. А в остальном всё шло как прежде: Юй-эр и другие танцевали на сцене, она стояла сбоку и

смотрела, а когда они уходили отдыхать, она тоже могла последовать за ними и передохнуть.

Однако за эти дни она заметила, что танцы приносят немалый доход. Помимо ежемесячной платы в один-два лян серебра, частенько случались чаевые! Постоянные гости уже хорошо знали семерых танцовщиц, и некоторые даже награждали их поимённо. В таких случаях заведение забирало себе двадцать процентов, — а остальное, восемьдесят, доставалось указанной девушке.

Если же чаевые давали без указания имени, то ресторан забирал тридцать процентов, — а семьдесят делили поровну между всеми танцовщицами.

Е Цин считала такую систему дележа просто грабительской, тогда как Юй-эр и остальные находили её вполне справедливой.

За эти несколько дней она успела разобраться: ресторан «Красный нефрит», считался одним из лучших в Чанъяне. Сюда приходили есть, пить и смотреть танцы люди либо богатые, либо знатные — те, кто не скупился на расходы. Обычно они бросали один-два лян серебра, а порой иные щедрые души швыряли по десять-двадцать лян, будто деньги для них — не деньги вовсе!

Правда, такое случалось редко. Сама она подобного не видела, лишь слышала от других танцовщиц. Говорили, что такие щедрцы — обычно купцы, что ходят дальними дорогами. Поездки их долгие и трудные, вот они и не жалеют серебра.

И вот тут-то Е Цин осознала: когда она впервые решила зайти сюда поесть, её точно бес попутал! Даже снаружи было видно, что это заведение не из дешёвых, а она, с тринадцатю лян в кармане, смело вошла и ещё заказала фирменное блюдо! Слово не знала, как пишется слово «смерть»! И что теперь? Получила урок — пришлось продать себя и стать танцовщицей!

(«Не знала, как пишется слово "смерть"»: Китайская идиома, означающая крайнюю беспечность или наивность.)

Хотя, если честно, дело было в её завышенных ожиданиях. «Красный нефрит» считался в Чанъяне чуть ли не лучшим рестораном, но по её меркам фасад его выглядел так себе — ничего особенного. Где ему до роскошных отелей из другого мира, сияющих великолепием и размахом?

Это и ввело её в некоторое заблуждение, из-за чего она так необдуманно зашла сюда и потратила деньги. А иначе — с какой бы стати она вообще сюда сунулась?

Дело в том, что обеденное время и ужин — самые оживлённые часы, когда гостей больше всего и в ресторане царит суета. Поэтому трапезы здесь устраивали так, чтобы не пересекаться с этими пиковыми периодами.

Ещё до полудня группа людей уже начинала есть, и только теперь Е Цин поняла, что имела в виду мама Лю, говоря о «тонкости и изяществе». На деле это означало, что ей просто не дадут нормально поесть!

Раньше она ведь и не была девушкой — ела размашисто, безо всяких церемоний. Будь она мужчиной, никто бы и слова не сказал. Но в глазах мамы Лю это было верхом невоспитанности и отсутствия манер! А «тонкость и изящество», о которых она твердила, заключались в том, чтобы исправить её привычки — начиная с повседневных приёмов пищи и уклада жизни. Исправляли же это так: мама Лю стояла рядом с тонкой лозой в руках и зорко следила за ней!

В первые дни Е Цин ела вместе с танцовщицами-сестричками — все шутили, смеялись, и было весело. Но теперь, с появлением мамы Лю, каждая трапеза превращалась в настоящую пытку.

Семерых танцовщиц воспитала сама мама Лю, и им не раз доставалось от её лозы. Естественно, они её боялись. Когда она была рядом, в комнате воцарялась тишина: все ели чинно, жевали медленно, воплощая собой изысканность и женственность.

Но как Е Цин могла дойти до такого?

Едва она проявила свою привычную размашистость за столом, как лоза мамы Лю тут же опустилась ей на руку. От боли Е Цин вскрикнула:

– Ай-йю! – и обернулась, бросив на маму Лю яростный взгляд. Та же, мрачно усмехнувшись, процедила:

– Не смотри так! Управляющий Чжан тоже считает, что тебе пора стать поприличнее! А то позоришь наш «Красный нефрит»!

Услышав это, Е Цин поняла, что, скорее всего, так оно и есть. В груди закипело негодование, но что она могла поделать? Пришлось отвернуться и продолжить есть.

Однако привычку, выработанную за двадцать с лишним лет, разве так просто переломить?

И вот за этой трапезой то и дело раздавались её «ай-йю». Даже другие танцовщицы, слыша это, вздрагивали от страха, не смея поднять глаза, и только молча уткнулись в свои миски.

Мама Лю била с умом — всегда по мясистым местам: по спине, пояснице, рукам, бёдрам. Куда захочет, туда и хлестнёт — не угадаешь и не подготовишься.
